

там и фактам" - 1996. - дек (-23) - СС,

Паниковский

че гордости. Вы знаете, я очень строго отношусь к своему ремеслу и не верю комплиментам.

И еще не люблю жаловаться. Стыдно жаловаться! Я здоров. Я своей волей, своей силой бросил курить - ребята, шестьдесят лет курил! Правда, бросил, потому что больше уже было нельзя. Но все равно - я же езжу еще, выступаю. В страны какие-то...

- Каковы ощущения человека, который, прожив пятьдесят лет безвыездно в одной стране, попадает в другую?

- Вы знаете, я сейчас уже могу сказать, что в течение четырех примерно десятиле-

"Сохраните только память о нас, и мы ничего не потеряем, уйдя из жизни".

Джон Уитьер

до вот этого: "Как ужасно у вас в России"... Да пошел ты в жопу! Со своим Цюрихом! Понимаете, в чем дело? Ну и вот, начинаешь защищать. Россию надо защищать, я знаю. От националистов, от фашистов надо защищать всеми силами. И уходить от этой борьбы подло. Ну то есть не подло, а... нехорошо.

- Вы москвич?

- Нет, не понимают. Надо насладиться властью - значит, девочек надо купить: красивых, длинноногих... Оказывается, можно просто купить! А вы представляете себе интеллигентного человека с купленной женщиной?! Представьте себе, что он знает, что он заплатил за это! Так у него же ни фига не получится, в жизни не получится ничего! Это

Гердт

...Тогда, года два назад, когда мы были моложе и легкомысленнее, а он был жив и здоров, мы сидели у него в уютной комнате и разговаривали о жизни. Точнее, разговаривал он, а мы слушали, записывали на диктофон и время от времени подкидывали вопросы, без которых он в принципе вполне мог обойтись. А мы - мы сделали тогда в "Арт-фонаре" статью под названием "Домовой" - про него, про Гердта. Вряд ли он ее запомнил - к нему ходило так много интервьюеров... Ее запомнили мы - а может быть, и кто-то из вас. Сегодня, когда его уже нет, расшифровка этой беседы становится раритетом и воспринимается совсем по-другому. Она принимает оттенок некоторой заветности - от слова "завет". Возможно, он не одобрил бы такого акцента - он был слишком ненавязчив и не склонен переоценивать роль себя в жизни других. Но ведь нам-то - особенно сейчас, без него - может быть, и виднее...

- Вы как-то признались, что вас безумно интересуют встречи, разлуки, всяческие сплетни...

- Видимо, это интересует людей всегда. Просто более закрытые и хитрые люди это скрывают, а мне уже скрывать поздно, потому что врать уже нету времени. Я должен быть все время в чистом, чистым, понимаете? Это, во-первых. Во-вторых, эта вожденная страсть к болтовне, к слухам, к сплетням - к несчастью, она заглушена жизнью старого человека. Есть возраст, есть проблемы возраста - все время надо ходить в больницы, кого-то навещать, кого-то утешать... Конечно, это надо делать, отложить это невозможно - но как прекрасно быть молодым и поменьше этим заниматься! Все остальное меня устраивает - даже возраст. Мне очень интересно жить. Если бы не недуги, на которые надо отвлекаться... Свои собственные недуги я не ставлю ни во что - сравнительно я очень здоров и молод... Ничего не делать, болтать - это шикарное времяпрепровождение. Но - не получается. Тогда, когда я этого стеснялся (чувствовал-то я это всегда, но стеснялся высказывать), - тогда на это не было времени, все какие-то творческие поиски, то-се... А сейчас надо заботиться о близких.

- У ваших друзей очень широкий возрастной диапазон.

- Да, широкий. Есть даже совсем молодые люди, приходящиеся мне близкими.

- Может, это потому, что вы...

- Может, может. Я сознательно забалтываю вашу ремарку, потому что не хочу ее слышать. Не в этом дело. Просто я с годами научился слушать.

- Может быть, вы просто сами человек такой... вневременной?

- (Свистит.) Временной. Конечно, временной.

- А что вы считаете главным в человеке, чтобы у него судьба сложилась красиво?

- Я не знаю... Может, заложенное в генах, или приобретенное следование Великим Заветам? ...Заповедям? Вы знаете, можно научиться следовать заповедям. Возможно. Возможно не походить на других. Я рос в очень простой семье, но видел в кино, как едят, как сидят за столом, как держатся, как одеваются... И желание так есть, так держать вилку и нож... Это очень неудобно поначалу, правильно держать нож. Очень неудобно есть цыпленка табака ножом и вилок. Очень трудно. Но можно себя заставить. И сейчас меня уже нельзя заставить руками есть курицу. Взять ее за косточку... это невозможно! Можно научиться не выходить из дому не искупавшись. Если нет горячей воды, значит, надо ее согреть. Но без душа начать день нельзя.

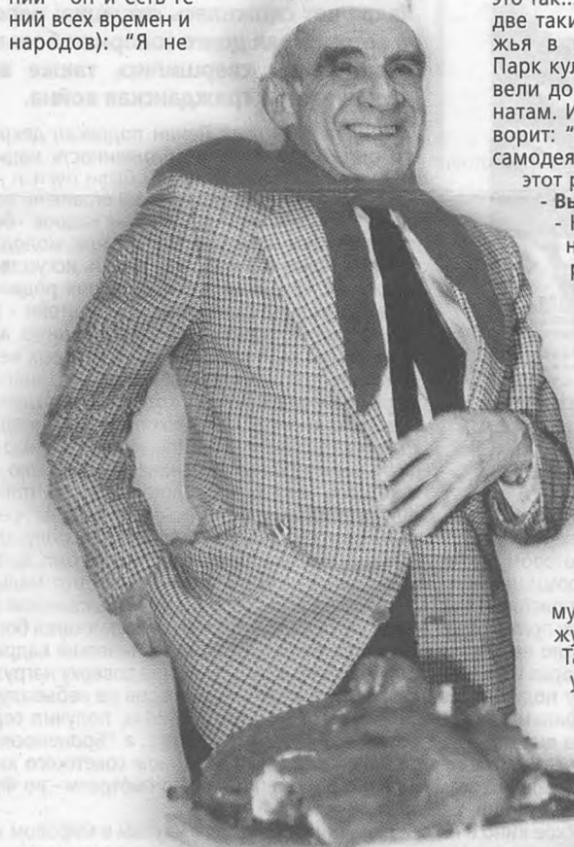
- А чему вы еще не научились?

- Ой, очень многому. Я так и не научился работать на компьютере. Я хотел бы научиться - даст Бог, кто-нибудь объяснит. Кто не знает, что такое мегабайт, а просто умеет... Я так и не научился благоразумию, хотя пора уже быть благоразумным, не обольщаться... Я вот дал себе слово - никаких интервью! Я столько наболтал за последние годы! Открываешь газету - и опять... эта рожа и это имя! Я не могу его видеть больше!

- Вас будет жена опять ругать.

- Да, да, да. Она ругает меня всегда за мое... уничтожение. Уничтожение па-

тий жутко так, нахально врал. Веря при этом в свое вранье. Когда я им там в капстранах - я стал ездить с 49-го года с кукольным театром, с кукольным театром в капиталистические страны, понимаете? - я им врал, как у нас прекрасно, и сам этому верил, хотя и думал: что это я говорю? И остановиться не могу... Как у Пушкина (гений - он и есть гений всех времен и народов): "Я не

люблю многие установления в России, но еще больше ненавижу, когда это мое чувство разделяет со мной англичанин". Мы можем плевать в нашу жизнь просто с утра до ночи. Но ты про меня... ради Бога, не надо! Не на-

- Нет, но в Москве очень давно, с 24-го года. А до этого жил в ма-аленьком городке между Латвией и Россией. Называется он Себеж. Вот поезд "Москва - Рига" там останавливается. Перед самой границей с Латвией. Сейчас опять граница...

- А после переезда в Москву как ваша жизнь складывалась?

- После семилетки пошел в ФЗУ. Я слесарь-электрик! Строил Метрострой. А театр - это так... из самодеятельности. Знаете, когда две таких дамы, хорошо обеспеченных, мужа в какой-то командировке, пошли в Парк культуры, выбрали двух парней... Привели домой, напоили и разошлись по комнатам. И вот где-то в разгар любви одна говорит: "Боже мой! Откуда ты такой?" - "Из самодеятельности". Ужасно мне нравится этот рассказ.

- Вы преподавали где-нибудь?

- Никогда! Что вы! Не дай Бог! Нет! Я не умею, я ничего не знаю, знаете, раньше графа была в какой-то анкете: "Что закончили? Если нет, где преподаете?"

- Вы же любите молодых!

- Я люблю молодых совсем не для того, чтобы чему-то научать. Нет, трепаться, анекдоты обожаю... В общем, я легкомысленный человек, что говорить...

- В каком времени вам жилось комфортнее всего?

- Вы знаете, я очень редкий советский человек, который очень хорошо жил в брежневское время. Я совершенно не тосковал и не мучился - я с 1979 года выпускал журнал "Корея". Видели? Это нечто! Там были такие фотографии: утро, улица, длинная-предлинная, ни машин, ни велосипедов, и фотограф расставил пхеньянцев с газетами: жители Пхеньяна читают новое великое слово дорогого вождя и учителя Ким Ир Сена. Все улыбаются, так трогательно, так искренне... Я читал каждый месяц этот журнал и выходил совершенно свободным в наше свободное демократическое общество имени Брежнева. Сталину такое и не снилось. Сталин - это все-таки Евразия, а там - чистый Восток.

А комфортнее, интереснее всего - думаю, что в нынешнее время. Единственное, что, так сказать, томит и огорчает, - что позднонато оно наступило. Я думаю, что если бы как-то укоротить бандитов, то есть людей, которые понимают, что можно наворовать и жить... Он первые тридцать тысяч заработал на торговле деньгами, и первое, что он делает, - покупает себе "Мерседес-600"... Я не знаю, что происходит на дорогах, я всю жизнь на автомобиле, понимаете, я 40 лет сижу за рулем. Я ужасно боюсь этих вот иномарок - БМВ, "мерседесы"... Как они ездят - ну нельзя рассказать! Ну остановит его гаишник, он даст ему полмиллиона - ну что ему полмиллиона? Ну, ребята, ну действительно, подумайте, что такое для него полмиллиона?! Он пойдет в казино, проиграет 500, 600, тысячу долларов - ну какая разница. Видите ли, они не понимают, что они теперь наша буржуазия и они - главный класс.

- Думаете, не понимают?

Зинови́й Гердт и Аркадий Апломбов

надо быть питекантропом, надо быть с таким вот лбом и накачанными мышцами, чтобы взять и купить женщину... для любви. Это ведь тоже называется - "давай заниматься любовью"! Черт-те что!

- Это то, что вам сейчас не нравится, а что нравится?

- Да мне все нравится! Вы знаете, была замечательная пьеса в Театре сатиры какого-то осетинского автора - "Четыре жениха" называлась, а переводил ее замечательный драматург Шкваркин. И там Папанов ходил - старый такой аксакал... или саксаул... и говорил постоянно: "В прежнее время, в прежнее время..." И в третьем акте его спросили: "Дед, что ты все про прежнее время? А новое время тебе не нравится?" - "Нет, почему, новое время мне очень нравится, и ни на какое другое, кроме прежнего, я бы его не сменял".

Яна ЗУБЦОВА, Владимир МАРТЫНОВ, сентябрь 1994 г.

Кунцевское кладбище. Ноябрь 1996 г.

Дача. Комната Гердта. (Кадр из фильма "Зяма")